

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Оксана ДЕМЧЕНКО

ПРИМИ СВОЮ ТЕНЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛФА-КНИГА

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Книги Оксаны Демченко
в серии
МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

МИР В ПОДАРОК
ДОКРИЧАТЬСЯ ДО МИРА
СЕМЬ ЛЕГЕНД МИРА
РОМАШКИ ДЛЯ КОРОЛЕВЫ
КОРОЛЕВСКИЙ МАСКАРАД
УБИТЬ ЭЛЬФА
НЕТ ЧУЖИХ БЕД
ПРИМИ СВОЮ ТЕНЬ

Оксана ДЕМЧЕНКО

**ПРИМИ
СВОЮ ТЕНЬ**

Роман

Москва, 2011
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

Стая является единым организмом, состоящим из сознательно свободных личностей. Высшая цель стаи — развитие и познание. Высшая цель каждого входящего в ее состав — гармонизация двух своих «я», образующих волвека. Мы дали им имена для своего внутреннего общения. Волк — зверь, дарующий нам силу, интуицию и азарт. Лвек — тонкая духовная структура, позволяющая делать выбор вовсе не по праву сильного... Погубив в себе волка, мы лишимся не только второго облика, но и восприятия яркости мира, восторга слияния с ним. Погубив лвека, мы умрем. Душа должна управлять силой, выбирая для нее и длину поводка, и время свободных прогулок.

*Из книги первого вожака свободных волвеков
Лайла Энзи «Мы — стая»*

Глава первая МИРНАЯ ПРОГУЛКА ИНСПЕКТОРА ЙЯЛЛА

Йялл двигался ленивой походкой по самой середине улицы. Как обычно. И смотрели на него тоже как обычно. Неудивительно: в этом поселении людей, сколько бы оно ни переезжало, изменений не накапливалось даже минимальных. Скучно. Йялл демонстративно зевнул и прищурился. Почесал за ухом, быстро, резко, точно так, как чешут за ухом лапой гроллы — волбеки в своем втором облике. Жест характерный, нарочито подтверждающий дикость, о которой теперь неизбежно шептались в каждом окне, спешно и плотно закрытом шторой или жалюзи. Отгородившись от дикаря, его обзывали гнусным вонючим гролло, хотя сейчас он был в своем человеческом облике, на двух ногах, одетый приметно, чего стоит хотя бы куртка из светлой искусственной замши. Яснее слов показывает: всего лишь прибыл прогуляться по улице, даже без повода в виде рутинной инспекции.

Возле стеклянной стены бара, расположенного по ходу движения слева впереди, скучали на высоких стульчиках ранние пташки, выбравшиеся ловить случайных клиентов в полдень, когда эти самые клиенты еще спят или только собираются сюда, заранее выведя мобиль из состояния автопилота. Такой адрес ни у кого не хранится в числе постоянных. Не принято.

— Ё-о-о, наш любимый зверик в отпадном прикиде, — хихикнула старинная знакомая. В последний раз она была яркой брюнеткой, а сейчас встряхивает выбеленными до неестественности волосами. — Эй, скидку хочешь?

— С твоего возраста? — вроде бы язвительно поинтересовался Йялл, но шагнул с середины улицы ближе к тротуару сразу, без раздумий. — В прошлый раз я давал тебе тридцать один, если верно помню. Могу сбросить еще годик, прекрасно выглядишь. Привет, Лорри.

Лорри исправно оскалилась, морща нос и демонстрируя все свои зубы вплоть до коренных. Изобразила презрение и насмешку. Старая игра во вражду. Потому что здесь ему все не рады. А сам он в лучшем случае скучает. В худшем... Впрочем, если бы он подозревал жесткий вариант развития событий, то не надел бы любимую светлую куртку.

Йялл присел на свободный высокий табурет. Выудил из кармана мятую купюру. Изучил с сомнением. Во всем мире осталось не более дюжины поселений, где еще помнят и активно используют бумажные деньги. Большая часть людей и не знает о таком явлении. А меньшая вполне довольна своим положением в тени, вне внимания Совета. Лорри быстро выхватила бумажку, подмигнула гораздо дружелюбнее:

— Так мало я буду стоять еще лет через десять, когда сделаюсь окончательной развалюхой.

— Длинное предисловие. Ты же знаешь, я интересуюсь, как все вонючие гроллы, только неразбавленной растительной кровью.

— Гнусное животное, — хмыкнула Лорри.

Спрыгнув с табурета, она убежала в бар добывать редкий в этих местах, прямо-таки эксклюзивный, томатный сок с солью и без спиртного. Все-таки знакомы уже лет пятнадцать, вкусы выявлены и с тех пор не изменились. Отношения тоже устоялись. Он давно оставил попытки образумить дуреху, не желающую жить нормальной жизнью, она отвыкла лупить злодея-инспектора по голове подвернувшимся под руку тяжелым и чаще всего стеклянным предметом, обзывая легавым и продажной шкуррой.

Йялл вздохнул, глянул вверх, на синее густое небо неродного, но самого любимого Релата, и подумал о том, как тяжело здесь приживаться его родичам. Настоящим, стайным. Недавно пышно и торжественно отметили юбилей — полтора века совместной жизни трех рас: людей, айри и волвеков. Очень стара-

лись: забили до отказа все общественные каналы инфосреды программами по истории, с умилением показывали общие ясли и детские садики, поселения людей на Хьёртте — «стремительно возрождающейся к жизни планете наших братьев». Демонстрировали и желтоглазых профессоров из Академии, и влюбленно взирающих на них студентов всех трех рас, излагали перечни общих научных разработок и деловых проектов.

Смотреть было и больно, и грустно. Все в Совете прекрасно знают: единства нет и вряд ли оно когда-нибудь настанет, полное и окончательное. Давно закончилась эйфория, вызванная обретением братьев по разуму, прошло увлечение оригинальностью волвеков, нового вида разумных, утихла шумиха — вот с тех пор и стали копиться проблемы. Люди поначалу надеялись, что волвеки, побочный и достаточно спорный продукт давнего эксперимента айри, осознают свою дикость, устроятся малочисленности собственной расы — и примут правила поведения, усвоят ценности и нормы человеческого общества. Перестанут именовать себя стаей, а главу Совета планеты Хьёртт (так его называют только люди) — вожаком и Первым. Представители человечества не без причин считают себя наиболее массовым элементом общей цивилизации и оттого — это сугубо их мнение — главным...

Айри вряд ли надеялись на перемены в характере волвеков, даже изначально. Отношение к ним у различных групп айри не просто неодинаковое — полярное. Да и сама эта раса весьма неоднородна: ее представители объединяются по интересам вокруг мало кому понятных извне ценностей и идей. Есть те, кто сразу или, что более естественно, после долгого размышления включались в стаю — так интереснее. Они, живущие долго, вообще предпочитают не спешить. Молча наблюдают, молча делают выводы и молча им следуют на правах самых умных... Вот уж кто в себе и собственной мудрости не сомневается! Айри мало, зато именно они создали современную науку как таковую. Кое-кто из них до сих пор полагает, что ум — это больше чем мудрость, а рациональность — выше порядочности. Приверженцы подобных воззрений дистанцировались от «низших», не желая забывать о том, что волвеков вообще-то создали именно представители расы айри. Древние и несравненные драконы, достигшие стадии человекообразия. Интеллектуально — боги.

Риан, старейший айри Релата, посмотрелся на комплексы родичей, наверное, больше всех. Он посмеивался над чужими

предрассудками, возмущался, использовал — когда что удобнее. Ссорил айри, только что договорившихся о единой оппозиции, подначивал сомневающихся, уличал в глупости старейших, торговался по поводу прав на использование родичами собственных идей и разработок. Жестко одергивал надменных, если при нем упоминали «избранность и статус высших». А еще мирил и помогал выработать взаимопонимание. Он раньше иных осознал: необязательно быть одинаковыми, достаточно общаться, принимая соседей такими, каковы они есть.

Йялл вздохнул. Риану-то что — ему, страшно подумать, более полутора тысяч лет... Это не старость даже, это древность! Тем не менее учитель не слаб и отнюдь не медлителен. Лет двадцать назад, несмотря на столь преклонный и почтенный возраст, Риан накостылял ему, Йяллу Трою, по могучей шее и выгнал из учеников, назвав пригодным к бою и даже слишком драчливым. Сказал, что дальше наследнику гордой фамилии разведчиков стаи следует практиковаться не в крепости мышц и скорости реакции, а в понимании сути вещей. И что для указанной деятельности ему предоставлено все необходимое и природой, и учителем: ум, открытое доброе сердце, непреодолимое упорство, а также синяки и шишки, идеи и воззрения, медленно превращающиеся в жизненный опыт, личную позицию и убеждения. Йялл поклонился и ушел — стараться. Чем и занимается по сей день. Достиг звания шеф-инспектора. Преодолевает себя. Разжимает кулаки и учится просто разговаривать. До исчерпания самой последней возможности — просто разговаривать. Без ушибов и переломов. Это трудно.

Даже теперь, прожив с волками бок о бок сто пятьдесят лет, люди не понимают до конца принципов общения в стае. Люди очень редко могут стать в ней по-настоящему своими, если не входят в семью и не имеют способностей снави — чувствовать сердцем больше, чем сказано на словах. Волбеки, в свою очередь, не в состоянии осознать пределов людского... скажем так, разнообразия. Им кажутся дикими и непростительными абсурдная ложь и мелкая себялюбивая подлость. Им никогда не вникнуть в смысл вполне типичных для людей, лишенных единого стайного духа, проявлений индивидуальности: как безобидных — стремление к уединению, застенчивость, скрытность, так и весьма неприятных — собственничество, жадность, эгоизм и завистливость. А еще люди бездумно создают семьи, словно по-детски играют в серьезные чувства. И столь же легко разрушают их... Зато у волков до сих пор разрешены телес-

ные наказания и драки. Сломанная рука, например, — не повод для вмешательства инспекции. У волвеков вообще нет привычных и понятных людям систем и силовых структур для поддержания порядка. Только коллективное сознание и вожаки нескольких уровней иерархии. Сломали тебе руку не по делу — отвечающий за поселение сам узнает, сам и вмешается.

А если волвек повредил руку человеку, даже за дело, но это произошло на Релате, где закон другой? То-то и оно. Общих городов здесь, под синим ясным небом, осталось всего два. С тех пор, как ушел к предкам, в родовую память стаи, первый из Йяллов, разобщенность стала расти. С тех относительно недавних времен, когда покинуло мир живых его поколение, поколение первых свободных волвеков, обе стороны — люди и их новые соседи — противостоят расколу по мере сил, осознавая негативные последствия возможного разделения.

Но если объяснить законы людей волвекам еще можно, то как примирить их с существованием беззакония? Такого, которое день за днем обыденно творится здесь. Для жития в беззаконии и вырос этот городок в сухой степи, никому не нужной и давно задичавшей. Городок, где не желают жить общей со всем миром жизнью: работать, учиться, развиваться... Зачем? Можно и проще добывать хлеб с жирным маслом. Одни торгуют собой, другие промышляют азартными играми, третьи содержат притоны. Многие откровенно бездельничают, тихо проедают всевозможные социальные пособия — здесь ведь можно снять комнату практически даром и не придется выслушивать никаких увещаний типа «так жить нельзя».

Можно, само собой, это локальное безобразие и иные, подобные ему, прикрыть. Совет по данному поводу уже много раз собирался. Но разве таким способом переделаешь нутро людей? Нет. А если гниль загнать вглубь и замаскировать, станет лишь хуже. Тем более и гнили той — с ноготь. Да пусть живут как им вздумается. Их ведь — и поселений, и обитающих в них людей — за полвека стало втрое меньше... Пусть тихо вымирают города-призраки, пока не мешают жить остальным и никого не тянут к себе силком. Не в них главная беда Релата. Гораздо хуже и опаснее те люди, которые пытаются активно строить мрачную и чуждую нынешнему миру жизнь: продавать оружие или иные запрещенные вещества и предметы, воровать секреты и наживаться на людских слабостях. С ними как раз инспекция и борется.

Йялл усмехнулся. Он вполне согласен с разумностью дово-

дов людей. Теоретически. Вот только на практике ездить сюда приходится именно ему, недоброму нелюдю с очень хорошей, просто уникальной реакцией. С выдающимся чутьем на неприятности. И внушительными способностями из них выбираться.

Дверь бара скрипнула, выпуская Лорри. Тридцать один! «Сказал, тоже», — усмехнулся про себя Йялл. Он точно знает: Лоране Диш тридцать пять, а выглядит она на все сорок пять под этим жутким слоем боевой раскраски. Маленькая, полная, с нарочито наглыми манерами, с излишне громким хрипловатым голосом. На первый взгляд — обычная девка, стареющая и уже никому из трезвых дневных посетителей не интересная. Жалко ее. Неплохой ведь человечек с глупой и трогательной жаждой самостоятельности. Правда, безнадежно напичкана предрассудками о том, что жизнь — вечный праздник, а запреты и ограничения придумали глупые чинуши. И что вот этот город-помойка и есть настоящая свобода. И что она «никому ничего не должна и не такая дура, чтобы верить в бесплатную доброту».

— Пей кровь, животное, — проникновенно и мрачно предложила Лорри, ставя на стол сок.

— Давай я тебя устрою в Красной степи? — вздохнув, как всегда, предложил Йялл, принимая бокал.

— Да кому я нужна, — без обычного раздражения, вроде бы даже с грустью отмахнулась Лорри. — Нас ведь называют там, в вашем большом мире, носителями вируса разложения общества. Нас предпочитают изолировать от нормальных людей. Прикол, а? Мои клиенты — они «нормальные».

— Скажи, кто предлагает, и я ему шею намну.

— Да начни с представителя Совета на землях нашего полуострова, — усмехнулась Лорри. — Йялл, ты хоть и инспектор, и легавый, и все такое, но ты — человек. — Женщина рассмеялась над странностью своего утверждения. Тряхнула выбеленными волосами, нагло прищурилась: — Ё-о-о, ты же вонючий гролл, чего это я? Люди из инспекции за столиком со шляхами не сидят и сок в этом баре не пьют. У них может пострадать репутация. А ты сидишь. Даже примчался по первому вызову. Один и не в форме. Как будто мало тебя здесь били.

— Так ведь и я приложил лапу к разрушению города, — весело оскалился Йялл.

Взглядом нашел свежий фасад быстровозводимого домика поодаль. Года два назад он прежний снес. Начал лично, своей

широкой спиной. Хлипкое было сооружение. И памятный рейд. Люди неисправимо интересны. Наворотят глупостей — а потом, как с похмелья, пытаются сообразить, как это у них вышло, с чего все началось и отчего потом столь жутко обернулось.

— Это мы тебя вызвали, — глядя прямо в желтые глаза волвека, сказала Лорри. — Я и девочки. Очень боялись, что ты окажешься далеко и не успеешь. Но ты опять возник, как призрак. Прибыл быстрее, чем мы ожидали.

Йялл залпом допил сок и кивнул. Девочки его еще никогда не вызывали, хотя он и приложил немалые усилия, чтобы в диком и глупом городе у них было относительно приличное положение. Двух выволок из этой ямы за шкурку и заставил закончить базовые курсы медиков. На свои деньги приобрел для них дополнительный мобиль, оборудованный под медблок. Переломал руки и ноги всем, кто этими девочками тут распоряжался как собственным имуществом. В инспекции о нем до сих пор ходят гнуснейшие сплетни. Еще бы! Волвек, создавший в кочующем Трущобном городе профсоюз продажных девиц. Добавьте: не просто волвек, а одиночка, исторгнутый стаей. Это тоже слух. Люди обожают делать вид, что знают всё. И понимают тоже всё — до доньшка.

— Вас что, вывезти в Красную степь?

— Дурак ты, зверик, — хихикнула Лорри. — Мы здешние, не скаль зазря зубищи. А вот Сати... В общем, пошли, расскажу по дороге.

Женщина подхватила свою сумочку на тонкой длинной цепочке и застучала каблуками по плиткам мостовой. Йялл шагал рядом. Смотрел сверху вниз на выбеленную макушку, примечал, как поредели пряди за два года. Кожа стала более рыхлой, бледной. И двигается Лорри тяжело. Обязательные в ее рабочем наряде туфли на высоких тонких каблуках старые, шпильки явно стоптаны, левая нога ступает криво. Колени у нее болят. Одышка изрядная. Да еще на солнцепеке сидела, его ждала — видимо, давно сидела. Йялл почесал за ухом и с сомнением дернул край куртки. Отогнал дурное предчувствие, выговорил себе за мнительность. Это всего лишь визит вежливости, в общении так и было сказано: «Есть тема». Когда Лорри переживает всерьез, она выражается иначе. Ну вот, споткнулась. Йялл поймал спутницу под локоть и возмущенно рыкнул:

— Лорри, ты хоть знаешь о том, что в Карне медицина полностью бесплатная? И не только там.

— Мы не в Карне.

— Ну и что? В ваш город регулярно навещают медики, я сам участвовал в подборе добровольцев. И в стационаре поблизости тоже можно договориться. Документы у тебя есть, претензий у инспекции к тебе нет. Займись собой, не доводи дело до инсульта. У тебя налицо все признаки проблем с сосудами, уж поверь моему звериному чутью. В ушах часто звенит?

— Ё-о-о, сколько тебе лет, Йялл? Ведешь себя, как скрипучий дед с бесконечными заумными поучениями.

— Шестьдесят три, то есть для волвека немного.

Лорри неопределенно фыркнула и свернула в узкую улочку. Вцепившись в руку волвека, она едва слышно зашептала, прекрасно зная, что для него и этой громкости довольно:

— Ее привез Тощий Дик. Давно, лет десять назад. Сказал, что никому не нужна и пусть поддыхает, а сам с рук на руки сдал старой Томи, которая дурнее всех дурных, даже кошку пнуть не в состоянии. Девочке на вид было годика два. Томи ее выхаживала. Станный ребенок. Вроде такая вся добренькая, наивненькая, миленькая — хоть слюни пускай. Но на деле очень непростая она — и не мягкая, и не покладистая. Мы к ней привыкли. Даже я раскисла: сюсюкала, бантики-тортики и все такое. И вдруг — облом... Дик сказал, что надо вернуть. Папаша у нее нашелся. Богатый папаша. Знаться с ней не желает, но денег отслюнил и на школу, и на все прочее. Дику денежки и упали в ладошку его загребушую, ясное дело. Тот указание переслал Шмыгу, который спьяну Норме сболтнул, Норма — Томи, а старуха — уже мне.

Йялл поморщился. С возросшим сомнением пощупал рукав куртки. Любимой, светлой. Вздохнул, снял ее и бережно свернул. Сунул в руки Лорри. Брюки не жалко, да и не стаскивать же их тут, посреди улицы. Женщина поняла, захихикала:

— Ты не бойсь, он завтра собирался Сати увозить. В среду.

— Кто еще тут самый наивненький, — оскалился Йялл. — Я тебе подарю календарик с автоматической подсветкой даты. Сегодня среда и есть.

Лорри споткнулась, прошипела свое неизбежное «ё-о-о» и выругалась. Спасибо хоть куртку не уронила. Йялл вдвинул женщину за плечи в узкий проем меж двух заборов. Задействовал коммуникатор и сообщил на базу, что с курткой в частности и поездкой в целом вышла ошибка. Дежурный в ответ заржал. Вот дурень! Не иначе поспорил, будет ли разрушен хоть один дом после мирного визита инспектора Йялла в городок.

— Стой тут, — предупредил он. — Не хватало еще, чтобы тебя сочли наводчицей и помощницей инспекции.

— Йялл... — Лорри выглядела виноватой.

— Ты бегаешь слишком медленно, — привел волвек второй довод. Неоспоримый.

Он отвернулся, резко втянул ноздрями воздух. След по ужасающим духам Лорри мог бы взять, пожалуй, даже человек. Хотя кто их, людей, поймет. Гроллово обзывают вонючими, а сами-то... По три дня носят одну рубаху. Заливают с утра пятна подсохшего пота пахучими средствами, снова успевают взмокнуть к полудню и ходят в этом ужасном облаке угара.

На бегу мысли всегда получались злыми. Он не знал, почему, но привык. Пропускал их, такие колючие, мимо сознания. Мчался по следу. Прыгал через заборы, перемахивал через урны и мобили, толкал плечом упрямые, некстати торчащие углы домов. Запах казался зримым — его, свежий и стойкий в безветрии, удавалось проследить далеко вперед и выбрать кратчайшие срезы.

Шикарный черный мобиль того, кто был известен Лорри под кличкой «Дик», волвек увидел за очередным поворотом. И сам мобиль, и пожилого обрюзгшего мужчину у задней дверцы, и троих его личных помощников, и пятерых охранников у заборчика перед убогим подъездом дома. Один взгляд. Когда картинка отпечаталась в сознании, сразу же пришел и ответ. Дика он знал. И головорезов его знал, а недавно вычислил и их хозяина, на которого нет прямых выходов и улик. Зато есть точное понимание: зря надел светлую куртку, но вовремя снял. Еще он зря прибыл один. Дело не мелкое и не простое.

Йялл взвился в прыжке над очередным заборчиком, извернулся винтом, встряхиваясь в полете. Из нынешних он один умел так, если не учитывать Горров. Отталкивался ногами еще человек, а падал на все четыре лапы уже гролл. Очень крупный серо-рыжий гролл. В нем все-таки сто тридцать килограммов сухих мышц без малейшего намека на жир. Жир себе могут позволить стайные. Он — одиночка.

Из штанов и ботинок удалось вывернуться идеально, своевременно и без шума. Рубашка хрустнула, расходясь на плечах и спине по швам. Люди стали оборачиваться со всей доступной им, скажем так, поспешностью. Вполне профессионально. Уже тянули из-под полы костюмов тонкие стэки. Запрещенные к использованию, само собой. Потому что эта гадость и для дальнего боя годится, и для ближнего. А Релат — мирная планета.

Девяносто пять процентов его населения понятия не имеет, что такое стэк и как он выглядит.

Йялл оттолкнулся от плиток пешеходной дорожки, рванул правой передней лапой стену на высоте двух метров, взлетая на вертикаль. Содрал покрытие еще раз задней правой уже в падении, поправляя траекторию. Отсюда, прямо со стены дома, само собой, никого не ждали...

Волвек обязан контролировать своего зверя, справиться с которым даже вооруженным людям вряд ли по силам. Лет двадцать назад я не решался так резко менять облик и отдаваться наитию боя. Тогда я гораздо хуже читал людей. Путал страх бессилия и страх смерти. Тогда я еще клевал на фальшивое раскаяние, ведь в стае не стремятся ко лжи и не бьют в спину... Был неопытен, не умел осознавать мгновенно и точно, что важнее в данный момент: преодолевая внутренний барьер, причинить вред и даже убить, или пощадить, рискуя чужими жизнями и здоровьем. В меня-то не попадут. А если и попадут — будет одним шрамом больше, велика ли беда? Но жизни других людей, ввязавшихся в переделку... Два с лишним десятка лет работы в патрулях меня сильно перекроили. Научили прыгать, не тратя время на раздумья. И отпускать зверя без опаски. Цель ясна обоим, и тяжесть отнятия жизни — если придется отнять — сильна. Окупаются другими жизнями, спасенными. Потому что я давно не ошибаюсь, читая самых грязных и темных людей...

Две шеи коротко хрустнули. Гролл перекатился, мстительно и точно изуродовал когтями борт мобиля, заодно задевая гнездо зарядки: теперь не взлетят, автоматика не допустит аварии. Самый умный и быстрый охранник Дика уже успел развернуться спиной к врагу, начиная спасаться своим человечьим, точнее, черепашьим бегством. Двое лихорадочно заливали мостовую лучами стэков и готовились активировать второй тип вооружения этой компактной и мощной дряни. С тем, собственно, и отбыли в лучший мир. А может, просто в обморок... Йялл очень старался, чтобы именно туда. Дик и его ближние благодарно нырнули в мобиль. Гролл замер. Истратил пару мгновений, немигающими желтыми глазами демонстративно изучая людей в салоне мобиля. Спокойно, оценивающе — как дичь. Те осознали, насколько им повезло быть внутри. И практически сразу вспотели, додумавшись до новой здоровой идеи: на проч-

ность обшивки надежды нет, если гролл разозлится всерьез... Поспешно подняли пустые ладони, защелкали запорами дверей. Решили дожидаться нормальных инспекторов. Без когтей которые, на двух ногах и с полной башкой законов и правил.

Гролл презрительно встряхнулся, отвернулся от мобиля и двинулся по дорожке к двери дома. Сознание волвека не обмануть. Эти больше не бойцы, уже внутренне сдались. Даже в спину не рискнут бить. Можно целиком сосредоточиться на изучении трехэтажного убогого строения. На втором этаже всхлипывает запертая в комнате старуха, знакомый голос, они уже встречались, давно, мельком... Хороший человек, но слишком нежный и тонкий для этого города. Вот и попадает в неприятности, что неизбежно для не умеющих отворачиваться и проходить мимо. Теперь тоже не молчит, бессильно стучит кулачками, умоляя не обижать ее девочку. Йялл шевельнул ухом. Кто ж им теперь позволит обижать...

Шаги трех пар ног — двое мужчин и ребенок — отзвучали эхом на лестнице и затихли. Споткнулись о волну звуков скоротечного и уже угасшего боя, катящуюся запоздалым эхом снизу, от мобиля. Теперь с лестницы раздавалось лишь судорожное дыхание. Его, Йялла, еще не видели, но уже боялись. Гролл метнулся в три прыжка вверх по стене, всаживая когти на всю их немалую длину. Надо спешить.

— Я перережу ей горло! — взвизгнул самый обычный, человеческий, задушенный страхом голос в темном парадном. — Я не шучу, у меня заложница!

Девочка охнула. Не шутит, получается. Впрочем, Йялл и так знал, какова сила человеческих страхов. Наворотят — а потом всхлипывают и трут слезы по щекам, бормочут про аффект и рассчитывают на доброту наивных психологов из мирной иной жизни, нормальной для девяноста пяти процентов людей. Только кому нужно их раскаяние, даже искреннее, что маловероятно? Точно не этой девочке, если она пострадает. Хотя последнее вряд ли произойдет: гролл уже взметнулся до верхнего окошка возле крыши. Каплей, без единого шороха, стек в темный затхлый чердак, заструился по лестнице вниз, втянув когти, неприметнее сквозняка и бесшумнее кошки. Мгновенным движением лапы успокоил охранника за спиной подонка, вопящего о заложнице и своих планах.

— Зарежу прямо сейчас! — рявкнул тот более уверенно: уже сам себя раззадорил и подбодрил.

И осел на ступеньки. Девочка вывернулась из-под ослабев-

шей руки. Побежала вверх, мимо гролла. Сперва Йялл решил, что от страха. Потом понял: малышка старается выручить свою названую бабушку. Двинулся следом. Всего-то пять шагов ее тонких ножек-палочек в шумно шлепающих туфлях на плоской подошве. Йялл возмущенно оскалился: разве такие туфли можно покупать детям? У людей от них развивается плоскостопие. Гадкая болезнь.

На лестничной площадке второго этажа девочка остановилась перед запертой дверью и обернулась к Йяллу:

— Ты же умная собачка?

Йялл сел от изумления. Он — собачка?.. Ни разу в жизни никто так не называл. Девочка, впрочем, вряд ли умела читать эмоции на морде гролла. Жаль: в шоке его никто не наблюдал уже много лет. Даже в коротком, мгновенном замешательстве. Сати подошла, погладила по шее. Успокаивает, что ли? Вот так невидаль! Девочка важно указала на дверь:

— Умная, я знаю, и смелая. Бабушка там. Сломай дверь, я здесь живу, и я разрешаю.

Йялл невнятно подавился рычанием. Вот так ребенок! Он не оценил сразу намек Лорри про наивненькую и миленькую. Пасть гролла растянулась в широкой улыбке. Когти правой передней лапы снова выдвинулись на всю их длину. Йялл впился в мягкий пластик двери и рванул замок из гнезда целиком — так быстрее и вернее всего. Оттеснил девочку. Принюхался. Когтем срезал растяжку, уже отпрыгивая назад и аккуратно роняя малышку на пол, а точнее, на свои подставленные передние лапы. Хрустнул короткий удар. Обычное дело: прощальная гадость для инспекции. Если и не убьет, то поранить может серьезно. Или хотя бы задержать.

Девочка встала, деловито отряхнула платьишко, вцепилась рукой в складки на загривке гролла — так ей спокойнее. Закусив губу и стараясь не бояться, вошла рядом с ним в пустой проем по обломкам двери. Минуту спустя бабушка Томи уже плакала в голос, обнимая любимую воспитанницу. А гролл злился на себя, собирая внизу у дома ботинки, штаны и обрывки рубашки. Приволок добычу в пасти на верхнюю площадку. Сменил облик, быстро оделся. Мрачно почесал за ухом. Теперь объяснений писать придется — лучше и не думать, сколько. Три трупа и один полутруп плюс разгром и калеки на лестнице. Что ни напиши, все равно объявят маньяком и отправят в Акад к психологам на восстановительное лечение. Если Тимрэ не успеет приехать и спасти. Вся надежда на него. И на...

Сверху, прямо с небес, сразу в полную громкость рухнул звук сирен пикирующего мобиля инспекции. Прибыло подкрепление, даже почти вовремя.

— Всем оставаться на местах! Проходит спецоперация! Внимание! Любые перемещения будут считаться недружественными!

Началось. Спасибо хоть орет сам Ларх, человек во всех отношениях замечательный. Явно рванул сюда, едва узнал о планах напарника, и сообщение диспетчера поймал уже в полете... Может, все уладится и без длинных письменных объяснений с последующими заслушиваниями комиссии? Йялл вздохнул, потрогал голую кожу шеи. Ожог, и здоровенный. Все же один стэк достал его по касательной. Значит, не ошибся — третье поколение, самонаводящиеся. Волвек спустился до второго этажа и усмехнулся. Девочка уже ждала его, сидя на маленьком старомодном чемоданчике из жесткого дешевого пластика. Веселый цвет, розовый с рисунком в виде синих тощих кошек, разнообразно изгибающих спины и хвосты. Бабушка Томи стояла рядом.

— Ты ее не отдашь этим? — жалобно уточнила пожилая женщина.

Одним словом «эти» она объединила и Дика, и загадочного отца Сати, и инспекцию, и Совет, и любые иные угрозы большого мира. Йялл усмехнулся. Теперь он вспомнил Томи. Два года назад видел, в тот самый день, когда снес спиной домик... Вроде бы Ларх потом делал ей документы: выяснил, что непонятно сколько лет Томи жила вообще безымянная и неучтенная.

В душе шевельнулось нечто темное и древнее. Не понять, то ли гролл почуял странное, то ли сама кровь шепнула...

— Вы теперь моя личная стая, это больше, чем семья у людей, — окончательно определился Йялл. — Я вас никому не отдам. Собирайтесь.

Женщина успокоенно кивнула, достала из кармана кофты документы — примитивные, пластиковые, в виде карточки с плоской фотографией. Пожала плечами. Правильно: какое у нее имущество? Миски-ложки паковать глупо, шмотки — и того дурнее. Йялл с новым интересом глянул на чемодан, а точнее, на пластиковый кофр. Принюхался.

— Вонючий помоечный кот в моей стае, — фыркнул он, весело щурясь. — Дожили.

— Котенок, — обиделась Сати, глядя свой чемодан. — Мне

его Лорри принесла. Я попросила, она добыла. Породистый, с синими глазками. У помочных глаза желтые, точно как у некоторых. Вот.

Ну что за беда — теперь проявилось наконец-то детское поведение: надулась и быстро отвернулась. Все равно понятно, даже со спины: глотает слезы. Впечатлительная. От обиды плачет, а на затихшего в глубоком обмороке похитителя — ноль внимания. Еще бы: ее «собачка» рядом и присмотрит за врагами. Странно, как сразу установились забытые стайные отношения молчаливого доверия. Обычно с людьми их строить немислимо трудно, как же...

Додумать идею до логического финала Йялл не успел. По лестнице уже стучали подкованные модные сапоги Ларха. Скоро появился и сам он. Огромный, белокурый, породисто-синеглазый, аккуратный и улыбающийся. При полной форме. Именно таким он позировал для сюжетов в инфосреде. Живой идеал инспектора: глаза добрые, стэк застегнут в кобуре и скрыт под полой. Ларх в их паре — «хороший». У него ни единого взыскания, все списываются по обоюдному согласию на толстокожего дикаря гролла, у которого нет пока детей и семьи, да и репутация уже не может пострадать — она и так выглядит слишком... яркой. А еще у Йялла, в отличие от идеального синеглазого инспектора, никогда не появится терпение для написания отчетов по полной форме. Ларх подмигнул, бросил приятелю куртку — его обожаемую, замшевую. Значит, Лорри бегаёт не так уж плохо.

— Ты в своей неподражаемой манере выжил ценой превышения полномочий. Поздравляю. Вдвойне. В багажном отсеке задержанного нами мобила так много интересного, что по поводу отчета не переживай, не до него теперь. И не хмурься: сам напишу. Хочу повышения и славы, так что ловил ты их с напарником, запомни.

— Один бы я не выжил, — обрадовался Йялл, представив свой жалкий убитый вид на дисциплинарных слушаниях. — Ты славно взгрел правого, спасибо.

— Во-во, правого от выхода из парадного завалил я, а второго взял живым, — уточнил Ларх. — Я сам напишу отчеты для Борха. Ты вечно путаешься в показаниях и можешь испортить дело. Твои девочки подогнали медицинскую развалюху. Исчезай, пока не прибыли остальные наши. Томи, Сати, привет! Вас больше никто не обижал?

— Мы и прежде никого не боялись, а теперь — и подавно. Мы — стая Йялла, — гордо сообщила Сати.

На браслете Ларха вспыхнул сигнальный огонек. Блондин удивленно повел бровью. Поиграл пальцами. Считал ответ.

— Поздравляю. Ты, шеф-инспектор Йялл, в одно утро, до обеда, угробил трех типов из списка общепланетарного розыска, взял Тощего с поличным, обзавелся стаей да еще и обнаружил ценного отпрыска королевской крови, Гиркса Пятого, прямого родича самого Горига, неподражаемого семикратного всепланетарного чемпиона породы обикатских короткошерстных... Котенка давным-давно разыскивает безутешная хозяйка.

Сати в ужасе вцепилась в ручку чемодана. Она первой сообщила, что именно ее синеглазого питомца назвали сложным именем. С отчаянием оглянулась на бабушку. Потом на огромного Йялла, недавно обозвавшего кота помоечным и получившего обидный ответ. Просьба о помощи тоже звучала до смешного отчетливо, пусть и произнесенная без слов. Йялл подмигнул. Хорошо так, обнадеживающе.

В душе расцвело давно забытое лето. У меня снова есть стая. Больше — семья! Волвек всегда осознает свою ответственность, этим он отличается от людей. Но все же так, снизу вверх, при разнице веса почти в сто килограммов, без тени страха или оторопи, на меня никогда не смотрели. Даже пятилетний сын Ларха сперва плакал, увидев «дядю Йялла». Я для людей — смуглокожее чудище с плотной гладкой шкурой, совсем не похожей на человеческую, с яркими, словно подсвеченными, желтыми глазищами... Я тогда сутулится, опустившись на колени, пытался настроиться на общность и передать малышу свое настоящее состояние... Но визит в гости все равно оказался испорчен. Правда, потом дружба наладилась. Увы, во мне-то ожидание отчуждения и неприязни осталось. «Волвеки до неправдоподобия неагрессивны, иначе бы они правили миром», — так сказал Риан, выслушав отчет о походе в гости. Он прав, если подумать. Два облика, сила и скорость, недоступные людям. Умение читать если не мысли, то настроение и намерения. Да и формировать исподволь — тоже, чего уж там... Но это строго запрещено и никогда не практикуется стайными. Риан правильно заметил: разве люди способны поверить в неагрессивность и отсутствие мечты о господстве? Каждый судит по себе...

Но сегодня удивительный день! Сати смотрит снизу вверх, улыбается, одаривая горячей волной доверия и доброты. И ее

ничуть не смущает облик волвека. Как до того не удивил и вид гролла, которого люди обычно, увидев впервые, считают воплотившимся кошмаром. Норовят оценить длину клыков...

Оставив на потом сложные мысли и ощущения, Йялл улыбнулся и погладил Сати по волосам. Пушистым, тонким и густым. Как же хорошо перестать быть одиночкой!

— Выкупим, — твердо пообещал Йялл, изучая отчет о котенке на личном браслете. — Он украден из питомника, еще не обзавелся постоянным владельцем, так что все в наших силах. Идем. Скажешь сама тете Лорри, что нельзя воровать в подарок. Нечестно.

Девочка обрадованно кивнула. Подняла чемодан — легкий, это видно по жесту — и затопала вниз по лестнице. Значит, Гиркс Пятый исчерпывает собой список ценностей стаи. «Наверняка он же — самый сытый и ухоженный в ее составе», — грустно улыбнулся Йялл. Сати тощая, как щепка. Словно ее вообще не кормили. Да еще нелепые волосы серого цвета, остриженные кое-как в полудлинное каре с кривоватой челкой. Смуглая, что вдвойне странно при таком цвете волос. Словом, невнятного происхождения и смешанных кровей оборвашка из этого города, самая обыкновенная и неприметная... Если не присматриваться и не причуиваться. Однако кому-то она очень и очень важна, раз в деле оказался Дик. Раз ее спрятали на полуострове, который даже не входит в зону опознания идентификаторов породистых кошек. Спрятали, десять лет не вспоминали о ней и не проверяли, жива ли, и вдруг решили забрать. Йялл нахмурился, снова принюхиваясь и причуиваясь. Сати повела плечами, острые лопатки чуть не проткнули ткань платья на спине. То-то и оно: ощущает внимание. Слишком остро и точно для человека. Тем более — для нетренированного ребенка. Снавь? Рановато просыпаться дару в двенадцать-то лет, а ей никак не больше.

Вся стая Йялла загрузилась в мобил. Сам он бросил куртку на сиденье и сел последним. Точнее, тяжело рухнул в кресло боком, оберегая пострадавшую спину. Лорри тотчас принялась ворчать и обрабатывать ожог. Заодно выслушала возмущение по поводу кражи Гиркса, высказанное Сати тихо и решительно. Женщина хрипло расхохоталась в своей обычной нарочито нахальной манере. Когда она так шумит, то прячет чувство вины и неловкости, это Йялл давно усвоил. Кажется, даже Сати знает и довольна: упреки не остались без внимания.

— Ё-о-о, ну ты даешь! Как я иначе могла захватить кота? Он же стоит дороже вашей вшивой квартирки. А я, было бы тебе известно, только Йяллу не говори, в юности была воровкой не из последних. Потому и не спешу на лечение в Карн. Должок за мной. Всю жизнь он мне перекроил, этот должок.

— Княжеская библиотека? — Йялл вслух припомнил громкое дело пятнадцатилетней давности. Лорри мотнула головой. Волвек обернулся, не веря: — Что, архив Академии, вскрытый семнадцать лет назад? Лорри, прими поздравления. Чистая работа и по тактике, и по обходу систем защиты, и по глупости. Зачем тебе понадобился оригинал самой старой на Релате электронной энциклопедии?

— Не он... Но знаешь, эти шары — идиотские! Айри их не маркируют, полагаясь на свои способности прямого считывания, вот нелюди! Какой-то урод переложил шарики в гнездах... или намеренно стырил инфу, оставил пустышку и забрал ценный чужой накопитель раньше, чем я. Нет порядка и в Академии, — сокрушенно признала женщина. Горько усмехнулась: — Тот тип, который свой шар оставил вместо заказанного, или обогатился, или тупо лоханулся... А я оказалась вне закона, без оплаты за труды да еще в должниках у гаденыша похлеще Дика. Он меня и пристроил к нынешнему моему ремеслу. Чего шериться? Небось думал, что я сюда от родителей сбежала, зверик?

— Шар все еще у тебя?

Лорри кивнула, указала на свою сумочку. Волвек сосредоточенно почесал за ухом. Оскалился, злясь на неистребимую привычку, чинно сложил руки на коленях и стал терпеть. «Жидкая кожа» впитывалась в обширный ожог. Чесалась страшно. Зато скоро завершится этап адаптации и «кожа» станет родной.

— Тогда придется зачислить в стаю и тебя, временно, — обреченно прикинул Йялл. — Отведу напрямик к директору Академии, господину Ялитэ, айри. Будешь слезно каяться, тихим голосом и в пристойных выражениях. Предварительно смыв боевой раскрас и натянув самую длинную юбку, какую мы найдем. Он простит и устроит на работу. Если повезет, не станет сразу, при нас, прыгать и визжать от восторга. Это же его личный шар, там помимо энциклопедии дневниковые записи за двести лет, фотоархив, видеоархив... и так далее.

— Его личный, — задумчиво повторила Лорри и замолчала.

Получасом позже грузный тихоходный медицинский мобиль взлетел от домика Лорри и взял курс на побережье Карна. Следом, чуть выше, шел на автопилоте одноместный легкий

инспекторский — Йялла. Сам он сидел к кресле и рычал от злости, пользуясь тем, что остался один и его сокрушительного гнева никто не услышит. Разве что Сати... Полное ощущение того, что она принимает эмоции. Хотя сама читается по первому впечатлению как обыкновенный человек, без малейших дополнительных талантов.

Йялл кое-как отдышался, прикрыл глаза и стал уговаривать себя прекратить дикое и глупое расплескивание эмоций. Люди в городе-призраке не особенно хороши, с ними трудно. Но если бы все проблемы межрасового непонимания сводились к наличию среди людей лентяев, жуликов, подобных Лорри авантюристок и эксцентричных недоумков с дефицитом адреналина и порядочности... Эти человеческие вывихи даже стайные рано или поздно понимают и если не принимают, то учатся мириться с их наличием у соседей. Как говорил великий учитель волвек-ов айк Юнтар: «Если есть мех — заведутся и блохи». Еще он советовал травить блох, а не самого носителя шкуры.

Куда страшнее другие люди. Тихие, вполне мило и ловко живущие «нормальной» жизнью. Отставшие от нее на три — пять поколений. Закостеневшие в древней системе ценностей давно сгнувшего общества, разделенного границами и сословиями... Такова, например, госпожа Дуурх. Животных любит, содержит лучший кошачий питомник. Все в рамках закона, она для инспектора Троя — потерпевшая, она во всем права. Ей сочувствовать надо, а хочется шею свернуть. Медленно и с удовольствием.

— Нет и еще раз нет. — Тонкие губы женщины, расположившейся по ту сторону экрана, сошлись в ровную горизонтальную щель. — Котенок вернется сюда. Он отбракован и подлежит усыплению, я так сказала, верно. Однако его непригодность для племенных целей и для продажи ничего не меняет. Я не оказываю снисхождения преступникам, отбросам нашего прогрессивного общества. Воровка должна понести наказание. Девочка, способная принять краденное в дар, тем более заслуживает показательного урока.

— Ей двенадцать лет, и она не знала о том, каким способом был добыт котенок, — тихо и доверительно уточнил Йялл. — Вы (*а-р-р, тварь ты паскудная*) должны это учесть, при вашем добром сердце (*так бы его и вырвал, сухое и пустое*)...

Волвек рычал свои комментарии в звуковом диапазоне, не воспринимаемом коммуникатором. Потому госпожа Дуурх понятия не имела, сколь малую часть высказанного вслух она

узнаёт. Женщина победно улыбалась. И бесконечно повторяла «нет». Йялл из рода Трой богат — твердо понимала она, наведя простейшие справки уже в ходе сеанса связи. Еще бы! Котенка стремится заполучить сын того, кого теперь именуют вожаком — то есть, по человеческим меркам, лидером — всей расы волвеков. К тому же Йялл связан по рукам и ногам своей должностью инспектора. Не рискнет даже нагрубить, поскольку этим подведет семью и бросит тень на добрососедские отношения двух народов. Значит, цену можно поднимать бесконечно. И врать, врать, врать...

— Котенок не продается, — снова повторила госпожа Дуурх, алчно щурясь. — Тем более невесть кому. В сомнительную семью без дохода и положения.

Йялл еще разок вздохнул. Проворчал едва слышно нечто невнятное, смолк надолго, удивив собеседницу, и все же рискнул перейти к крайним мерам. Совсем крайним.

— Девочка теперь — часть моей стаи. Вы причиняете ей боль своим решением. Я верну вам котенка, но затем подам ноту в Большой Совет Релата. Публично. Доведение ребенка до нервного срыва и негуманное обращение с животными. — Вертикальные зрачки желтых глаз сошлись в две неразличимые щели. *(Тебе, шалава, найдется место на помойке.)* — В вашем достойном окружении ведь не знают, что котят вы усыпляет? Здоровых, маленьких, пушистых котят, пристроенных в хорошую семью. Детские слезы так трогают сердца...

Госпожа Дуурх дрогнула. Покосилась на шар под рукой собеседника: запись идет. На ее лице отчетливо читалась досада: сгоряча сказала, что котят она усыпляет. Это есть в записи. При малейшей шумихе, при первом признаке скандала все станет известно. Соседям, клиентам, партнерам, их детям. Гнусным новостникам, которых хлебом не корми — дай сведения, жареные и с перчиком, о жестокости владелицы чемпиона породы обикатских короткошерстных.

— Вы долго жили среди людей, инспектор? — запоздало предположила хозяйка питомника, скорбно растягивая губы в линию. Не улыбка и даже не пародия на нее — чистое разочарование, без попытки его скрыть.

Йялл кивнул, не желая тратить на ничтожество лишних слов. Он долго жил — всегда. Его мама сама была человеком по рождению. Он знает, кому руки ломать, а кого топить иными способами. Вместо котят...

— Котят в нынешнем сезоне, не отбракованных, я продала в

среднем по такой цене. — Госпожа Дуурх усмехнулась, сдаваясь и одновременно завершая торг, вполне успешный, по ее мнению. Простучала длинными безупречными ногтями по консоли делового канала и с откровенным презрением глянула на собеседника — большого, неглупого и все же проигравшего.

Внизу на экране высветилась сумма, реквизиты и мигающее звездочкой приглашение подтвердить оплату. Приличная цена — немалая, но посильная и даже похожая на истинную... помноженную на три, не более того. Йялл задумчиво поморщился, затем с внезапным злым азартом решил, словно его подстегнули, дал пару команд и приложил к своей консоли палец. По правилам Релата, достаточно обычного «да». Он в личном пространстве служебного мобиля, идентифицирован и знаком системе. Однако волвеки, все до единого, предпочитают прямые контакты при покупке у незнакомых людей. Встречу, договор и старомодную подпись. Такое теперь шаткое доверие... Он обжился на Релате, готов согласиться на меньшее: фиксирует сделки отпечатком большого пальца правой руки. И голосом, само собой.

— Да, — рыкнул Йялл.

Звездочка мигнула еще раз, позеленела и красиво рассыпалась объемными шуршащими бликами. Мгновением позже пришло подтверждение списания средств. Госпожа Дуурх теперь отчаянно косила глазом на экран: тоже ждала подтверждения. Улыбнулась куда теплее. Еще бы! Двойная, в сравнении с запрошенной, сумма. Хотя чему тут радоваться? Не иначе она недопустимо мало знакома с расой волвеков, их законами и традициями.

— Вы не знаете наше правило последней сделки? — усмехнулся Йялл. Теперь и он не пытался скрыть презрение, смешанное с неприязнью. — Прощайте. Мирной вам загробной жизни.

Вот так и становятся чуть более людьми: обучаются прелести злорадства и пробуют вкус недоброй и многозначительной недосказанности. Йялл оборвал связь, успев разобрать, как госпожа Дуурх подавилась его словами. Кажется, даже испугалась и попыталась удержать линию — но зря... Йялл еще разок, от всей души, зарычал. Уже без злости, с самым настоящим удовольствием. Ну и пусть Совет стоит на ушах, и пусть координатор поджимает хвост и скулит... Хотя откуда у координатора хвост? На Релате эта должность всегда принадлежит людям. Впрочем, скулить они умеют лучше стайных. Теперь получили к тому повод. Веский!

Все сделки с двойной оплатой по счетам волвеков фиксируются, по каждой немедленно формируется отчет для секретаря Совета. Ведь они — так называемые «последние». Это давний ритуал, изобретенный премудрым айком Элларом и успешно заменяющий смертельную вражду. Сделки завершают общение стаи с тем, кто нанес оскорбление и сочтен ничтожеством. Имени госпожи Дуурх и любого иного партнера волвека в последней сделке, идентифицируемой по двойной сумме оплаты, больше не существует в системе опознания расы волвеков и ее общем сознании. Госпожа Дуурх умерла так же окончательно, как если бы Йялл Трой свернул ей шею своей крупной сильной лапой. Она никогда не сможет учиться, лечиться или отдыхать на территории волвеков. Не посетит, само собой, Хьёртт. Не станет поручителем в делах со стайными. Ограничений гораздо больше, чем может показаться на первый взгляд. О них обычно сполна узнают уже после сделки, прочувствовав на своей нежной человеческой шкуре — голой, лишенной любимого парадного платья людей, именуемого репутацией. Сейчас на Релате живет более трехсот человек, которые, с точки зрения стаи, покойники. Обманули в делах, предали в дружбе, предпочли корысть простому общению. И получили то, с чем теперь познакомится госпожа Дуурх. Мечь и официальную смерть. Странные методы, по мнению людей, но ведь никто не обещал, что стая примет их законы.

Йялл рассмеялся и замер, сполна осознав, что его радость разделена и приумножена близким *со-чувствием*. Удивленно охнул. Стал озираться, невольно щурясь и приплюхиваясь. Откуда дотянулось второе полноценное, способное к общению сознание? И кто вообще мог, он же одиночка, он — не стайный...

Мигнул сигнал вызова. Сразу, не дожидаясь согласия со стороны Йялла, на экране грузно зашевелился в излюбленном кресле старший инспектор Борх. С кислым видом взглянул на своего сотрудника. Лучшего — и худшего тоже. Это смотря как учитывать его дела. По предотвращенным разрушениям — или по произведенным.

— Она приходится родной тетушкой координатору провинции, — тяжело вздохнул Борх.

— Кто? Покойная? — живо уточнил Йялл, имея в виду госпожу Дуурх.

— Именно. Лично для меня — давай ее реанимируем. Отмени сделку. Точнее, даже так: не мешай мне ее аннулировать. Координатор сам додушит, обещаю. Будет синяя и дохлая, уже

сейчас такова, даю слово. Только пусть он, а не ты, клянусь зубом мудрости Великого... Ты же знаешь наши с вами проблемы взаимопонимания. Ну нельзя. Сейчас — нельзя. Сегодня это вторая сделка по Релату. Пройдет фиксация, будет заседание Совета и очередной скандал. Координатор Большого Совета и так еле жив. Йялл, первый человек Релата моими устами просит тебя... Не делай вид, что ты глух! Мы знакомы двадцать семь лет. А сколько я простил тебе ненаписанных отчетов...

Йялл сделал тупое, ничего не выражающее лицо. Не пройдет этот шантаж. Не будет отмены. Скандал? Да пусть! Устал он от недомолвок. Один хороший рык и драка со сломанными костями и рваными ранами куда полезнее долгих лет бессильного скулежа Совета. Старые долги закрываются только после объяснений, пусть и неприятных. Волвекам и людям пора немножко встряхнуть отношения. И вообще — пусть сделку отменит тот, второй.

— Не отменит, — догадался о ходе мыслей подчиненного старший инспектор. Помолчал и тихо, одними губами, добавил: — Потому что последнюю сделку час назад оформил Первый — вожак Даур Трой. Он звонил мне только что, едва узнав о твоей, и просил связаться с тобой. Неявно — но я ваши терки знаю.

— «Терки», — скривился Йялл. — В каком баре ты набрался жаргона, Борх?

Старший инспектор довольно заржал, откинулся на спинку кресла и прикрикнул веки. «Уже чувствует себя победителем», — мрачно прикинул Йялл. Без малейшего дара чтения эмоций видит подчиненных насквозь... Йялл потянулся, чтобы почесать за ухом, и плотнее сжал подлокотник, поймав начало жеста. Нервного и непроизвольного. Чего уж там, прав Борх. С Первым никто не спорит. Даже числя себя одиночкой и формально не входя в сферу сознания стаи. Даже двадцать восемь лет упрямо отказываясь признавать Первого отцом. И принимая ответное молчание как должное. Как свою большую победу, требующую уступать теперь в мелочах.

— Значит, была клиническая смерть и дуреху Дуурх откачали, — подтвердил согласие Йялл, снова прижимая палец к квадрату сенсорного блока. — Тогда пусть дарит мне котенка. С полной родословной, ошейничком с сапфиром... чем еще сопровождают легальную продажу детенышей чемпиона породы?

— Шелковый овальный коврик с вышивкой имен предков Гиркса Пятого, паспорт на старинной рисовой бумаге и золотая

мисочка с эмалевой эмблемой питомника на доньшке, — охотно и чуть ехидно дополнил список Борх. — Получишь по прибытии, я уже отправил срочным курьером в Академию. Ты ведь летишь туда?

Йялл кивнул. Приятно после рычания с уродами общаться с нормальным человеком. Борх стоит многих снисхождений и уступок. Хищный и безжалостный, как тигр, и хитрый, как старейший из айри. А еще нечеловечески порядочный в важных делах. Его уважают все волбеки. Сейчас Борх морщится, явно готова новый вопрос. Уже не в интересах большой стаи или Совега — от себя лично. Очевидный, в отличие от ответа...

— Ты принял девочку в стаю, — сказал Борх. — Не добавив слова «временно», как мне подтвердили. Что происходит? За все годы нашего общения это первый случай. Мы с Лархом оба не удостоились такой чести, а тут... Говори прямо и без предисловий, канал защищенный.

— Голос крови, — пожал плечами Йялл. — Пока сам не знаю точно. Сейчас ты прекратишь меня донимать расспросами, я вызову Тимрэ и буду сам разбираться, почему так поступил. А то и Риану позвоню, набравшись наглости.

— Она — снавь?

— Спроси уж сразу: она человек? — вздохнул Йялл. Не без интереса пронаблюдал нескрываемое замешательство Борха, зрелище редкое и примечательное. И добавил, не дожидаясь нового вопроса: — Не волбек точно. Не айри. Для моего сознания, если рискнуть поверить ему, она выглядит родной и смутно знакомой. Я ведь застал директора Академии айка Эллара, я даже учился у него.

Борх неопределенно булькнул и перешел из состояния замешательства в состояние откровенного шока. Побагровел, хрипло дернул воротник, отдышался. Пробормотал исключительно виртуозную и нецензурную фразочку про самих генетиков и их родственников. Потер лоб и добавил, что уже вылетает в Карн и оповестит кого следует.

— Ты вообще насколько уверен? — еще раз уточнил Борх.

— Я хорошо знал Эллара, единственного в своем роде айка, существо уникальное, вне пределов нашего понимания. Неповторимое, если не считать Юнтара... которого я знал еще лучше. Ни я, ни кто-либо еще в мире не видел прежде ни айка-женщину, ни айка-ребенка. В чем я могу быть уверен? Меня осенило минут десять назад, прямо перед твоим звонком. Докатилось запоздалое понимание: когда я рычал и ругался с этой тупой

Дуурхой, девочка мне сочувствовала. По полной. Без всяких там натяжек, детских недопониманий и проблем с настройкой на малознакомое сознание.

— Клянусь пьяным зеленым драконом...

— И его похмельной икотой, — подмигнул Йялл. — Никуда ты не летишь. Береги ублюдка Дика крепче, чем хрупкий межрасовый мир. Нам бы успеть понять, кто поселил эту Сати в городке, пока свидетель жив. Ставлю золотую мисочку Гиркса Пятого и его же ценный шелковый коврик с родословной: в деле замешан хоть один из старших айри.

— Узкий круг подозреваемых, — уныло согласился Борх и добавил еще тоскливее: — И широчайшее представительство лучших адвокатов у них на службе... Не зря говорят: богат, как айри.

Глава вторая

УВОЛЬНЕНИЕ И НАЕМ

Утро начиналось так славно... Кто мог предсказать три часа назад, что он к полудню окажется безработным изгоем? Он, самый молодой и перспективный помощник куратора программ общепланетарной промышленной интеграции, почти член Большого Совета. Всего пара шагов оставалась до этого высочайшего статуса на планете. В тридцать два, на самом взлете стремительной карьеры, он внезапно и необратимо перешел в пике, не предполагающее ничего, кроме катастрофы. Во рту сухо, язык шершавый. Кашель душит. Мысли топчутся в темноте, словно кто-то без предупреждения погасил свет. Сегодня у него три важных встречи. Были в планах, были... Надо все время добавлять это «были»! Сегодня он хотел основательно подмочить репутацию своего заместителя и в перспективе сменить его на давно подобранного человека с правильными взглядами на жизнь. Куратору не нравится ни кандидат, ни его взгляды. Но утром казалось, что это можно преодолеть. Он умеет управлять подачей фактов... Умел. Все в прошлом.

Почему? Повод ему только что сообщили. А вот причина... Разве опустится до пояснений сам координатор Большого Совета, посетивший ведомство исключительно, чтобы сказать: «Уберите отсюда эту грязь»? Никогда. Развернулся и удалился. Тот, кого он видел вживую в первый и последний раз. Один из самых влиятельных людей планеты. Ничтожество, не пони-

мающее ценности своего поста. Подлец, одним движением уничтоживший его карьеру. Жестоко, без раздумий, прямо-таки зверски. Публично. Наверняка и без единого шанса на восстановление статуса. Для такого жеста надо иметь веские причины.

Впрочем, причин слишком много, чтобы уверенно выбрать ту, которую удалось выявить инспекции. Нет сомнений: добрались до сведений именно люди Фьена Бо, этого желтокожего обезьяноподобного ничтожества. Генеральный инспектор! Пост высокий, но что с него имеет ничтожный Бо? Головную боль. Ни личной яхты, ни замка, ни острова... Теперь это, оказывается, не модно. Теперь модно иметь постоянное приглашение в гости на Хьёртт, к желтоглазым дикарям.

Бывший помощник куратора зло кашлянул и засмеялся. Скорее всего, именно это и вывели. Да, он — один из лучших в Среде постановщиков сценария «информационной пружины». Он способен так запрограммировать и отстроить вброс сведений в Инфосреду, что в них поверят и на них отреагируют заранее спланированным образом. Взять хотя бы тех же волвеков. Не он начал кампанию по их дискредитации, но именно пять лет его работы позволили существенно подпортить репутацию стаи. И накопить средства на личную, пусть и небольшую, космическую яхту. Были оговорки в официальных сообщениях, информационные программы с неоднозначным подтекстом, ярко поданные конфликтные ситуации, из мелочи раздутые до уровня проблемы. Подкармливал он и «черных» новостников, заказывая у них откровенно провокационные сюжеты. «Шок: гролл загрыз женщину». Или: «Смотреть всем: волвек уродует ребенка». Да, даже так глупо и дешево... Но и это помогало создать нужный настрой. Главное в работе — комплексность подхода и грамотная дозировка информации. Только кому теперь нужен его опыт?

Бывший помощник куратора принял вызов своего агента и поморщился. Голос звучал без прежней приветливости, а в глаза ему и вовсе не смотрели: и там уже все известно... Новости Большого Совета быстро распространяются.

— Продаешь яхту? — усмехнулся приятель — уже бывший. — Обстоятельства, понимаю. Ты тоже должен понимать: мой процент утраивается. Придется продавать в два-три этапа, отделив от твоего имени. Цена, сам понимаешь, будет низкая.

И дал отбой. Не дожидаясь согласия!

Бывший помощник куратора — а сейчас он и сам не мог на-

зывать себя иначе, ужас слова «бывший» гудел в ушах, отчуждение окружающих давило — спустился в роскошный холл особняка своего ведомства. Нехотя сказал «да», подтверждая список возвращаемого служебного имущества и ценностей. Мобиль, квартира в Гирте и так далее. Дежурный курсант, будущий инспектор, принял формкристалл служебного удостоверения и молча отвернулся.

— Мне никто так и не назвал официальную причину увольнения, — разозлился бывший.

— Вы видите несколько вариантов? Я сообщу в инспекцию, и мы продолжим вас изучать. Вот список выявленных на данный момент нарушений, — отозвался без задержки курсант и достал из ящика старомодного, как и весь особняк, стола рисовую бумагу с полным текстом увольнения и размашистой подписью куратора. Передал в руки официально, с явным удовольствием. И добавил, не пряча презрения: — Но есть еще кое-что. Здесь не указано, но это ускорило прохождение приказа. Час назад вожак стаи Даур Трой перевел вам двойную сумму за сведения, запрошенные им вчера. Фиксация последней сделки уже прошла. Поэтому предупреждаю: через двадцать три часа ваше пребывание в Центральной провинции будет считаться нарушением закона. Метка в ваши личные документы уже внесена. Прошу покинуть помещение.

Бывший скомкал бумагу, выругался и побрел к высокой двери. Резной дуб в позолоте. Лет триста назад в этом особняке размещалась резиденция князей. Теперь не принято строить высокие здания и засорять новоделом древние города. Тем более Гирт, где располагается вся система планетарного управления.

На газоне у самого входа стоял личный мобиль, вызванный еще из кабинета. Небольшой, спортивный. Модель нового сезона... Вряд ли удастся заполучить в зиму такую же модную игрушку в дизайне следующего года. С этой мыслью изгой нырнул в салон, отгораживаясь от ставшего неприветливым города. Вздрогнул: в соседнем кресле сидел пассажир. Тот самый айри, заказавший пять лет назад работу по волвекам. И не только ее.

— Как неосмотрительно вы себя вели, — высокомерно поморщился айри. — Полный провал... Мы истратили на вашу карьеру немалую сумму. Полезность оказалась низкой. С людьми так часто случается: вы слишком самонадеянны, жадны и глупы. Неужели не приходило в голову, что инспекция заинтересуется источником избыточно высоких доходов?

— Я маскировал их. Ваша помощь была ничтожной, я всего добился сам. Вы мне, кстати, еще должны немалую сумму.

— Мы не оплачиваем неудачникам пособия по безработице, — рассмеялся айри. — Но я могу вас пристроить на новое место. Конечно, Трущобный город не так красив, как Гирт, и должность нашего представителя и контролера при обороте ряда запрещенных изделий и препаратов тоже не столь почетна, как место в ведомстве промышленной интеграции. Но проект общепланетарный. Репутации у вас больше нет, а деньги вы не разлюбили. Подумайте.

— Хотите меня довести-таки до пожизненного места на плантациях кофе в Тимассе, где заключенные мрут в пятьдесят, не выдерживая климата и условий жизни? — разозлился бывший партнер айри.

— Просто предлагаю работу и доход, — пожал плечами пассажир.

— Я пойду на прием к генеральному инспектору и сдам вас, весь ваш нелепый мирок айри, сдвинутых на ненависти к нам, живущим мало, но добивающимся успеха.

— Желаете сократить свой путь на плантации? — лениво усмехнулся айри. — Не возражаю. Сообщите, какое количество сведений по промышленности вы передали и как мы их использовали. Заодно расскажите, как вы трижды добивались своими информационными вбросами масштабных нападений групп молодых недоумков на злодеев волвеков. Как...

— Я, пожалуй, не пойду к Фьену Бо. Но черный рынок... Грязные людишки, риск.

— Приятно начинать новый деловой разговор, — чуть оживился айри. — Сколько вы хотите за риск и прочее? Предлагаю обсудить по дороге. Ваш новый офис на юге. Я уже задал курс. Просто подтвердите.

— Я слышал не раз, что связавшиеся с вами уже не могут порвать контракт, — мрачно отметил бывший. — Но не верил.

— Мы умеем организовывать информацию лучше вас, — любезно улыбнулся айри. — Итак, пять часов полета. Чтобы не скучать, я изложу вам правила работы наших представителей. Начну с главного: мы не отправляем на плантации опасных и неисправимых. Поэтому у нас не воруют, нам не лгут. Мы умеем контролировать сознание своих партнеров. Добросовестность, страх, лояльность, уважение — все тренируемо.

Айри поднял руку и неторопливо выпустил когти, которые есть у каждого представителя этой расы. Острые, длинные и убедительные. Смахнувшие отделку с прочного каркаса передней панели салона демонстративно и без малейшего усилия...

Глава третья

ХРОНИКА БОЛЬШОГО ПЕРЕПОЛОХА

Четыре часа полета до Академии утомили Йялла сильнее затяжного бега или неравного боя. Он едва успевал закончить, а точнее, оборвать на полуслове один непростой и торопливый разговор — как возникало новое приглашение к общению, и опять от важных людей и нелюдей, озадаченных, недоверчивых и встревоженных. Сати еще не добралась до Карна, но уже стала сенсацией. Одни полагали, что подозрения Йялла относительно девочки — бред. Другие в них верили и потому отмахивались и отрицали такую возможность вдвойне энергично, заранее рассмотрев многочисленные сложные проблемы. Третьи азартно потирали руки: уникальный подопытный образец с каждой минутой все ближе.

Директор Ялитэ нахмурился, сухо кивнул и отключился. Это был самый короткий разговор и наиболее полезный из всех, как показалось Йяллу. Айри, почитаемый опытным и влиятельным старейшиной этого народа, явно знал, кому звонить и где искать прошлое Сати, разгадку ее рождения. Беседа с Тимрэ тоже ограничилась дюжиной слов. Тот понял сразу и пообещал все устроить. Значит, охрана у Сати будет. Не головорезы и даже не снави. Гораздо лучше: статус, при котором запрещено считать ее подопытной и наверняка в придачу — право учиться в Академии.

А еще Йялл пообщался с главой медиков — Тиэрто. Старый айри впал в настоящее бешенство. Он больше других ученых ненавидел опыты с генетикой разумных — сам наигрался и заплатил за ошибки сполна... Он уже с усердием крота принялся рыть архивы биологов и генетиков, пытаясь понять, кто и когда интересовался работами по мутациям, давно закрытыми и заброшенными. Собственно, сразу же после высадки волвеков на Релате было единогласно признано: категорически нельзя пытаться создавать новые виды разумных существ. Как нельзя и модифицировать имеющиеся. И без того люди, айри и волбеки

уживаются с трудом. Новые расы и новые проблемы никому не нужны. Или все же нужны?

Йялл тяжело вздохнул, принимая очередной вызов уже на подлете к побережью.

— Посадка у главного корпуса, — коротко распорядился Ялитэ. — Сам встречу.

Это было ожидаемо, и Йялл даже слегка удивился: зачем директор звонит? Но тот продолжил фразу, и все стало ясно:

— Первый... то есть твой отец был здесь и ждет тебя. Уж извини, придется вам встретиться. С ним я разговаривал, мы достигли взаимопонимания. С тобой тоже следует побеседовать?

— Теперь неважно, что было раньше. Я ведь прибываю не как одиночка, а со своей стаей, — гордо отметил Йялл. — Так и передай. Я нашел тех, кому моя душа охотно и полно сочувствует.

— Ах да, ты теперь тоже Первый... — задумался директор. — Это вас примирит?

— Мы не ссорились. Но ты прав, это допускает возможность общения. Для него и для нее — допускает. Прежде, как тебе известно...

Ялитэ, само собой, подробности знал и поэтому не стал дослушивать окончание фразы. Времени у него нет ни минуты, а уж лишнего, на пустые разговоры, тем более. Экран погас, точнее, восстановилась прозрачность купола мобиля. Йялл нехотя изучил вид под днищем, настоящий, не через проекцию радарного типа, удобную для навигации. Безоблачное небо, идеальная погода. Панорама Академии открывается — залюбуешься. Вовек бы ее не видеть...

Откуда той же Лорри знать о событиях тридцатилетней давности? О болезненности для него, Йялла, воспоминаний да и самого вида побережья. Наверняка медицинский мобиль специально полетел по более длинному маршруту в угоду Сати. Чтобы оценила красоту Ирнасских гор, потом осмотрела побережье, море — и медленную, плавную прорисовку деталей города Гирта в устье Карниссы. Сперва контур у кромки горизонта, потом яркие пятна черепичных крыш и шпили в веселой полированной меди, покрытой защитным лаком. Зелень парков, причудливую линию прибоя и сложные изгибы стен средневековых замков, что занимают острова в устье. Им, самое малое, по пять сотен лет. И все до единой усадьбы принадлежат или членом Совета, или представительствам провинций, или отда-

ны под штаб-квартиры всепланетарным ведомствам. Политика любит уединение и иллюзию патриархальной тишины. Так удобнее продемонстрировать благодущие и открытость, единство позиций и взглядов. А заодно чувствовать себя обособленно: от любого соседа отделяет хотя бы узкий, но пролив. Свой причал, своя площадка для посадки мобилей, свои системы связи, своя территория, огражденная низенькими, но самыми настоящими каменными стенами.

Главная набережная города, древний порт и старинные кварталы сохранены усилиями директора Ялитэ и координатора Центральной провинции. До сих пор по традиции координатор здесь — всегда из прямых родственников одного из старых родов правителей Карна, Ирнасстэа или иной территории, вошедшей в состав провинции. Центральной — поскольку здесь сосредоточено руководство всем нынешним Релатом. И здесь же находятся старые корпуса Академии, крупнейшего научного и учебного сообщества планеты. Шутка ли — миллион студентов, и это помимо обучаемых дистанционно и в филиалах. Плюс исследовательские группы и обслуживающая структура. В Академии любят говорить в шутку, что директор Ялитэ мог бы требовать статуса координатора провинции. Хотя, если разобратся, зачем ему еще и такой статус в мире людей? Ялитэ и без того — ан-моэ, один из неоспоримых вожаков народа айри.

Йялл тронул пальцами консоль, изгоняя все намеки на прозрачность обшивки. Посторонние мысли не помогали. Если бы летел один, никогда бы не выбрал этот маршрут.

Тридцать лет назад он был молодым восторженным щенком... Мир казался идеальным. Люди были друзьями и братьями, все до единого. Он стоял там, внизу, у здания главного корпуса, в такой же ясный день. Сжимал в ладони цветы, безжалостно надерганные на ближайшей клумбе. Мама должна была прилететь на неделю позже, вот и не успел подготовиться, найти букет поприличнее. Не пропустил сообщение, примчался, успел до посадки — уже хорошо.

Она возвращалась с западного побережья Обиката, мобилей ожидали точно с такого же, как теперь, маршрута. Он сам смотрел в небо, закинув голову. Долго смотрел. А потом в сознании возникла тень беды. Скользнула темным облачком беспокойства. Сразу разрослась до приступа боли и непоправимости уже случившегося, но все еще длящегося. Рядом охнула мамина подруга, снавь второго посвящения. Шагнула, молча вцепилась в

его руку: волвеки умеют делиться даром и помогать. Они вместе пробовали хоть что-то изменить, но не смогли. Разгерметизация в верхних слоях атмосферы... Мобиль еще падал, а маму уже было поздно спасать. Но они упрямо старались спрессовать воздух, смягчить удар, исключить угрозу возгорания. Надо ведь хоть что-то делать — немислимо просто так стоять и ощущать всем своим враз помертвевшим сознанием бесконечно длящееся падение. В черноту, в пустоту, в отчаяние одиночества. Люди умеют переживать такое. Отец говорил, что у людей толстостенные души. Им легче, они не со-чувствуют ни в жизни, ни в смерти.

Он, Йялл Трой, то же пережил. Вынудил себя суетиться, лично решать бессмысленные и легко урегулируемые кем угодно из друзей и родных вопросы похорон, передачи дел, формальности наследования. Он запрещал себе отчаяние. Больше года не решался менять облик, поскольку знал: зверем перетерпеть проще. Гроллолом можно уйти в пески Красной степи и там дать себе волю. Даже выть... А каково отцу? Тут не до простоты. Надо цепляться всеми когтями и тянуть, его-то, вожака, еще не поздно отсперить у смерти.

Пары волвеков создаются один раз, тем более это верно для Первого. Для вожака, настраивающего весь род и несущего полноту ответственности за дар стаи и, порой ведь думается и так, за ее проклятие — единое сознание. Отец не мог позволить каждому волвеку корчиться от боли, со-чувствуя вожаку. И перешагнуть через ужас того дня долго не решался. Потому что перешагнуть — значит забыть хотя бы часть прошлого. Он тоже был в мобиле и оттуда — вместе с сыном и подружкой жены — старался смягчить удар и сохранить шанс на выживание самой своей дорогой и любимой, матери Йялла. Увы... Волвеки скроены крепко, тем более лучшие из них. Перепад давления, чудовищный холод, удар, довольно длительное пребывание без сознания в воде, огромная кровопотеря, переломы — все это не убило вожака. И было заведомо непосильно для его жены, принадлежавшей к расе людей. Для его первой жены. Он не хотел возвращаться в мир один. Даже к взрослому сыну, даже к стае...

Йялл кое-как отгородился от воспоминаний и сердито ткнул в консоль, подтверждая согласие с режимом посадки на автопилоте. Дурацкие правила. После той аварии ввели массу ограничений — нелепых, но обязательных к исполнению. Три

дня проверяли все высотные мобили, еще полгода собирали по кусочкам тот самый, погубивший маму. Волбеки ныряли у побережья круглосуточно, остервенело рыли донный ил, не доверяя технике. Их чутье действительно сложно заменить самыми современными приборами. И все же тогда не нашли ни малейших внешних причин аварии. Этими словами осторожные члены Совета заменили более рискованное для межрасового мира определение — подозрение на убийство. Отца полгода буквально собирали, сращивали и сшивали заново. Все, кто мог и должен был, прилагали усилия. Но больше иных — Тиэрто, лучший медик тогдашнего и нынешнего Релата; Риан — древнейший айри и наставник снавей. А еще Тайя, снавь, любимая ученица Риана.

Отца спасали всем миром. Я, Йялл Трой, одиночка, спасался сам. И, как понятно теперь, так и не смог до конца изгнать боль, жгущую веки и рвущую душу. Весь полет над побережьем — сплошная боль. Нет полета, только падение. В отчаяние прошлого, в невозвратность утраты, в ужас бессилия. Я, такой могучий и рослый, сын и опора рода, не смог сделать ровным счетом ничего. Только попроситься и принять последнюю боль. Маме было невыносимо, чудовищно больно. И я корчился, задыхаясь. Как могло такое случиться: здесь, под густым синим небом, в замечательно плотной атмосфере Релата, погибнуть от недостатка кислорода, от чудовищного перепада давления? Там, на Хьёртте с его редкой атмосферой, угроза для людей есть, но приняты все меры в накрытых куполами городах и на внешних пространствах. За полтора века никто не пострадал, хотя над поселениями метеориты пробивают купола не так уж редко. Да и тектоника порой дает о себе знать... Но мама погибла здесь. Ушла невозвратно, и даже в памяти стаи я не могу прочесть ее след. Ведь я — одиночка...

Под днищем мобилия скрипнула мелкая мраморная крошка старомодной посадочной площадки. Йялл заставил себя разжать кулаки, начал приводить по возможности в норму выражение лица, мысли и тем более эмоции. Волбеки отдали свой остров-представительство координатору провинции Вендир, северной на этом континенте, чтобы не видеть каждый день побережье. Никто из семьи Трой не желал из окон своего дома наблюдать посадку мобилей со злосчастного маршрута. Отец вообще пытался уйти в пески и жить тихо. Но волбеки со свойст-

венным им упорством не допускали даже мысли о возможности смены вожака...

В стенку мобиля, снова ставшую прозрачной в результате исполнения требований по режиму посадки, застучали усердно, часто и резко. Йялл даже вздрогнул от удивления. Разблокировал двери. Подумал мельком, что он явно пропустил торжественную встречу, увлеченный мыслями и старой болью.

— Знакомься, — излучая совершенно солнечное счастье, выдохнула Сати. — Мой котенок. Гиркс Пятый, с документами и вот — с сапфиром на ошейничке, только что доставили. Гиркс синеглазый, видишь? И ничуть не помочный, как вообще можно так его обзывать! Но я не сержусь. И он тебя простил, ты же просто сгоряча, не подумав сказанул. А на самом деле ты добрый, котят любишь.

Йялл благодарно улыбнулся. Хорошо быть стайным. Он уже забыл, насколько. Нет у стайных черного отчаяния, потому что нет одиночества. Начнешь тонуть в воспоминаниях — прибегут и спасут. Как спасла стая своего вожака Даура. Как сейчас выручает его, вожака Йялла, маленькая Сати. Старается, изливает счастье на него одного. Лечит. Откуда что взялось? Не учили ее, но справляется. Йялл принял котенка в свою широкую ладонь. Небольшого, в дымчато-сером детском пуху, неуклюжего, смешного, короткохвостого. Месяца четыре от роду, никак не больше.

— И правда синеглазый. — Радоваться получилось сразу и без усилия. — Он уже выучил свою кличку?

— Имя! — важно поправила Сати. — Я раньше звала его Котя. Не могла ничего придумать, он все время рос и менялся, как тут сообразишь? Но теперь у него есть документы и имя. И хозяйка!

Гиркс попробовал облизать большой палец волвека, потерся шеей, оставляя свой запах, высоко и коротко воскликнул: «Яо!» Не мяукнул, а именно высказался и познакомился. Сати рассмеялась, звонко стукнула золотой мисочкой об пол мобиля, безразлично к ее материалу — настоящее золото! — отпихнула в дальний угол и потрясла перед самым носом Йялла бумажным ворохом. Разноцветные гало-печати в солнечных лучах сверкали и лоснились радугой оттенков. Плоский формкристалл в верхнем правом углу каждого листка то и дело вспыхивал, последовательно выдавая объемный портрет котенка, рисунок радужки его глаза, клеймо в ухе, идентификационный номер

вживленного маркера. Сати встала на цыпочки, обняла сидящего Йялла за шею и поцеловала в щеку:

— Ты его отстоял. Ты порвал злую тетку в клочья. Я знаю. Я вообще отчего-то все про тебя знаю, и мне это нравится. Если очень постараюсь, я рычать смогу, наверное. Ур-р-р? Нет, не так. А-ар-р!

Голосовые связки у нее были самые обычные, человеческие. Зато слух, как с долей неудовольствия отметил Йялл, явно позволял разобрать то, что не полагается воспринимать людям. Например, не осталось без внимания его негромкое рычание на лестнице во время переодевания. По меркам стаи, не очень цензурное. Особенно то, что отдаленно похоже на «а-ар-р».

Совсем рядом гравий без скрипа уплотнился под мягкими шагами. Йялл покинул мобиль и обернулся, сразу, еще в движении, кланяясь:

— Сати, познакомься. Это Тайя Трой.

Зеленовато-золотые глаза Тайи блеснули радостью встречи, такой долгожданной. Йялл улыбнулся в ответ и охотно открыл сознание, расставаясь с многолетней замкнутостью в себе. Так удобно обходиться без слов! Слов, которые всегда врут хотя бы своей примитивностью усредненного и общего для всех, толкуемого словарями, смысла. Можно отозваться: «Да, рад». И добавит смысл, молча. То есть словами просто и плоско — рад, а сознанием: «Греюсь и отдаю тепло, вижу твою красоту и радость, душой успокоен, вы с отцом стали единым целым и действительно теперь семья, а что может быть дороже и важнее...» И еще добавить: «Я стал наконец взрослым и взял на себя ответственность за новую семью и стаю, я теперь понимаю, что всегда был слишком упрямым, и по природе я одиночка, признаю. Так ведь все вожаки — хоть немного одиночки, трудно нам с отцом было двоим уживаться, а тебе пришлось и того сложнее, уважаю и даже преклоняюсь...» Много всего, как такое уместить в человечье «рад»?

Йялл очень давно не встречался лицом к лицу со второй женой отца. Собственно, с того самого дня, когда привез ее в старейший город-купол на Хьёртте. Тогда она и невестой-то еще не была объявлена. Он сам задумал второй брак отца. Чуть ли не силой притащил Тайю в дом семьи Трой и сказал: «Я ухожу из стаи в мир людей, откуда родом моя мама. Я забираю с собой прошлое. Потому что вожак не имеет права постоянно смотреть назад. Он должен двигаться вперед, ради всех нас». Йялл не сомневался в своем праве забрать прошлое, ведь в стае род чис-

лится по линии матери, хотя фамилия дается по отцу — чтобы людей не запутывать и не выпячивать лишний раз свою самобытность. Фамилия его Трой, но любой в стае знает, читает со знанием — это Йялл, отец его из рода Трой, а кровь и память матери, подательницы жизни, отзывается именем Ринай. Значит, за ним право взять отчаяние утраты и скорбь.

Только прежде никто не использовал это право так жестко, отказывая отцу в родстве — грубо отнимая память, боль, даже чувство вины. Глуша голос крови. Сказать, что Даур Трой от услышанного пришел в бешенство, это ничего не сказать. Но в комнате рядом с Йяллом стояли те, кому и вожак не мог возразить: родной прадед, первый Йялл, он еще был жив, и учитель сनावей айри Риан, обманчиво-легкий, невысокий и спокойный. Бесконечно уважаемый стаей... Оба не позволили отцу ничего изменить в решении сына. Кроме одного. Даур бросил в спину уходящему слова, о которых позже, наверное, жалел: «Ты одиночка, нарушивший волю вожака. И пока не обретешь тех, кому сможешь искренне и глубоко со-чувствовать, пребудешь в мире людей». Йялл больше никогда не появлялся дома и вообще на Хьёртте. А Тайя осталась. Она любила Даура без надежды на рождение отклика в его израненной душе. Уговаривала жить и дарила тепло, не получая ответа. Долго. Это Йялл тоже видел и понимал. Ей, если разобраться, пришлось тяжелее всех.

— У меня теперь есть стая. — Йялл положил ладонь на плечо Сати.

— Ты и твой отец — вы оба до безобразия категоричны, — улыбнулась Тайя. — Наконец-то я могу сказать это, глядя в твои бесовские синие глаза: ты чудовище. Настоящее, до последнего движения души — в великого предка, на которого похож до самой малой черточки даже внешне. И все же мы встретились, ты преодолел темные годы, и прошлое снова стало общим, как он предсказывал.

— Глаза у Йялла желтые, как у всех вас, — сообщила Сати очевидное для себя.

— По меркам людей, да. Но мы учитываем малозаметные вам оттенки, — пояснила Тайя. — У Йялла — синеватый, особенно по кромке радужки. Вы, люди, не замечаете подобных деталей.

Сати задумчиво прищурилась. Почесала за ухом, усердно копируя жест своего «вожака». Получила от него по руке, хихикнула. Обняла Гиркса, зарылась носом в его мех:

— Все я вижу. У тебя, тетя Тайя, глаза зеленые. Вот.

— Точно, — удивилась Тайя. Подала девочке раскрытую ладонь: — Идем. Я покажу тебе главное здание Академии. Расскажу, чему тут учат, и ты выберешь себе занятие по душе.

Сознание жены Первого открылось для Сати мягко и полностью. Так безоглядно распахивают душу только для своих, ближних. Девочка оценила, заулыбалась. Усадила котенка на плечо и сунула ладошку в предложенную руку. Тайя удивленно дрогнула бровью. Вместе с прямым контактом через кожу пришли ответное тепло и расположение. Женщина оглянулась на Йялла:

— Твоя новая сестренка действительно необыкновенная. Мы пойдем к Тимрэ, он ждет.

— Освобожусь — найду, — коротко бросил волк и заспешил навстречу айри Ялитэ, приглашающе махнувшему рукой и уже шагающему к корпусу ректората.

Вдвоем они поднялись по лестнице на третий этаж, направляясь к кабинету директора. Ялитэ выглядел довольным, то и дело подкидывал в ладони возвращенный Лорри шар, рассматривал его на свет, словно пытался убедиться, что все цело и не стерта ни одна запись.

— Девица хоть и шумная, но в целом интересная, неглупая, — отметил он. — Пристроил в архив. Раз воровать была горазда да еще на беспорядок имеет наглость жаловаться, пусть охраняет и систематизирует. Уже лет семьдесят в архив не удается подобрать такого, знаешь ли, фанатика. Прежде я подобный не ценил, а теперь по ним скучаю. Да, бабушку девочки я поселил на первом этаже ближнего гостевого домика.

— Спасибо. Что-то выяснилось по поводу Сати?

— Еще как выяснилось! Имея статус ан-моэ и соответствуя ему, я пребываю в ледяном бешенстве. Официально, — с долей иронии пояснил директор Йяллу, удивленному отсутствием следа означенной эмоции. — Я официально гневаюсь, вам, стайным, такого не понять... В обход меня, без сообщения Совету ан-моэ, некий низший айри Риттонх, не имеющий даже статуса моэ, открыто заявил о правах отцовства. Тебя именует похитителем, шумит, требует немедленно вернуть ребенка. Утверждает, что его шантажировали, угрожали причинить вред Сати и вымогали деньги. За сердце хватается, капли пьет, общается с юристами. Невероятная история. Заслушаться можно, так трогательно. Плачет в голос. Приобрел с доставкой на дом десяток шелковых платков для вытирания слез. Абсурд!

— Кто же, согласно его версии, мама Сати?

Ялитэ усмехнулся, распахнул дверь кабинета и кивнул, пропуская Йялла вперед. Шагнул следом, щелкнул замком, повозился, устанавливая режим защиты от прослушивания.

— Правильно спросил. Я и сам сразу поинтересовался. Вот тут у Риттонха и началась красочная, достоверная истерика. Сильно пригодился платок: в нем удобно прятать лицо... Полагаю, он будет изображать невменяемость, пока не нащупает подходящий ответ.

— И пока не установит, где сейчас Сати и как много нам известно.

— Не так мало, как он хотел бы. Просмотри это, я пока побеседую с кем следует.

Йялл кивнул, опустился в глубокое кресло и прикрыл глаза. Контактная лента скользнула из подголовника, обняла лоб. Он слышал, само собой, что в прежние времена люди не имели доступа к системам прямого обучения и полагали себя обделенными. Твердили, что дикари волвеки добиваются всего и без усилий, поскольку им удалось перенять таланты айри. В том числе их способность считывать информацию с шаров знаний напрямую, минуя кропотливое заучивание по книгам и иным пособиям. И если бы людям повезло точно так же...

Восемьдесят лет назад им повезло. Системы нейроактивации нового поколения — так назвали разработку — открыли людям и возможность прямого обучения, и полноту ощущений при пилотировании мобильных и космических яхт, требующих так называемого слияния, то есть прямого приема потока информации мозгом. И что? Число гениев не увеличилось. Зато общий уровень обучения стал выше, срок получения образования сократился. Отсев лентяев и бездарей из Академии происходит быстрее и жестче. Да и количество заочных студентов выросло.

— Откуда информация? — уточнил Йялл, морщась от срыва настройки при разделении внимания на два потока.

— Риан оставил на столе полчаса назад и исчез. Откуда он это взял, не знаю. Сам понимаешь, наш упрямец городил невесть что про рацион кормления обикатских короткошерстных, усердно избегая иных тем.

Йялл довольно хмыкнул. Значит, Сати уже знакомится с учителем — самым лучшим айри Релата. Можно спокойно просматривать данные и уделять малую толику сочувствия ей, чтобы знать хотя бы в общих чертах, что происходит там, у Риана и Тимрэ.